Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302
https://elibrary.ru/FTTWLM

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

О.А. Туфанова

«ДЕВИАНТНЫЙ» ТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00091, https://rscf.ru/project/24-28-00091/) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье на основе рассмотрения понятий «девиантность», «девиантное поведение», «норма» вводится в научный оборот понятие «девиантный» текст применительно к памятникам средневековой русской словесности XI–XVII вв. Основная задача исследования — дать определение понятия и показать его сущностные, отличительные признаки. Под «девиантным» текстом в историческом повествовании Древней Руси понимаются фрагменты, которые представляют собой сюжетное или бессюжетное повествование, имеющее устойчивый набор композиционных элементов и отличающееся специфической системой определенных элементов топики, в центре внимания которых находится поступок или действия человека (группы людей), который воспринимается и оценивается как противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям общества и/или неординарный, экзотический, диковинный. Поскольку девиантность определяется не только как отрицательное, но и как положительное отклонение от нормы, то «девиантные» тексты делятся на две основные группы. Первая группа — «девиантные» тексты, в которых запечатлевается исключительно насилующее зло, проявленное в жестоких поступках (отрицательное отклонение); они представляют собой частный случай греха — «греховных дел». Вторая группа — «девиантные» тексты, фиксирующие положительное отклонение; они дают образец идеальной картины мира, идеального или правильного, должного поведения в той или иной экстремальной, неординарной жизненной ситуации. Последний параграф посвящен анализу художественной специфики «девиантных» текстов. На примере фрагмента из Псковской 2-й летописи показана общая сюжетная схема «девиантных» текстов, а также своеобразие триггер-мотивов, являющихся «девиантогенным фактором», первопричиной развития собственно сюжета.

Ключевые слова: девиантность, девиантное поведение, «девиантный» текст, летопись, сюжетное и бессюжетное повествование, грех, сюжетная схема, триггер-мотив.

Olga A. Tufanova

"DEVIANT" TEXT IN THE HISTORICAL NARRATION OF OLD RUSSIA: TO THE PROBLEM STATEMENT

Acknowledgements: The article was completed with the support of the Russian Science Foundation (project no. 24-28-00091, https://rscf.ru/en/project/24-28-00091/) at IWL RAS.

Abstract: The article examines the consideration of the concepts of "deviance," "deviant behavior," "norm" and the concept of "deviant" text is introduced into scientific circulation in relation to monuments of medieval Russian literature of the 11th–17th centuries. The main task of the study is to define the concept and show its essential, distinctive features. By "deviant" text in the historical narrative of Old Russia we mean fragments that represent a plot or plotless narrative, which has a stable set of compositional elements and is distinguished by a specific system of certain topic elements, the focus of which is the act or actions of a person (group of people) who is perceived and is assessed as contrary to generally accepted norms and expectations of society and/or extraordinary, exotic, outlandish. Since deviance is defined not only as a negative, but also as a positive deviation from the norm, "deviant" texts are divided into two main groups. The first group is "deviant" texts, which depict exclusively violent evil, manifested in cruel acts (negative deviation); they represent a special case of sin — "sinful works." The second group is "deviant" texts that record positive deviation; they provide an example of an ideal picture of world, ideal or correct, proper behavior in one or another extreme, extraordinary life situation. The last paragraph is devoted to the analysis of the artistic specifics of "deviant" texts. Using the example of a fragment from the 2nd Pskov Chronicle, the general plot scheme of "deviant" texts is shown, as well as the originality of trigger motives, which are a "deviantogenic factor," the root cause of the development of the plot itself.

Keywords: deviance, deviant behavior, "deviant" text, chronicle, plot and plotless narration, sin, plot scheme, trigger motive.

Понятие «девиантность»: проблема определения

Феномен девиаций, девиантного поведения является предметом исследования многих областей знания. Научная литература, посвященная девиантологии, особенно социологическим, психологическим, педагогическим теориям девиантного поведения, весьма обширна. Зародившись в начале XX в. в трудах французского ученого Э. Дюркгейма (см., например, работу «Самоубийство», 1897 [11]), по-

нятие «девиантное поведение» получило развитие в работах Г. Тарда [53; 54], Р. Мертона [37], Э. Сатерленда [87; 51, с. 45–59], А. Коэна [51, с. 519–550] и многих других западных социологов. Среди отечественных исследователей первым к изучению вопросов девиантного поведения обратился Я.И. Гилинский.

В книге «Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других "отклонений"», вышедшей в 2004 г., Я.И. Гилинский справедливо писал о том, что «даже в очень древних науках спор о понятиях и их определениях нередко длится веками» [6, с. 5]. С момента выхода книги прошло двадцать лет, но и сегодня по-прежнему актуально замечание исследователя: «Написаны тысячи томов (в основном — за рубежом), посвященных социальным девиациям, девиантности, девиантному поведению, но... до сих пор не совсем ясно, что же это такое» [6, с. 5].

Междисциплинарный характер феномена отклоняющегося поведения, многоликость проблем, которые охватывает девиантология, разнообразие подходов и трактовок приводят к тому, что каждый исследователь дает свои «рабочие» определения терминам, которыми он далее оперирует, признавая уязвимость и несовершенство понятийно-терминологического аппарата, либо принимает за аксиому одно из существующих определений.

Приведем лишь некоторые определения.

Девиантность (deviance) — это:

1) «поведение, которое некоторые люди в обществе находят оскорбительным (обидным, неприятным) и которое вызывает — или может вызывать в случае обнаружения — неодобрение, наказание или враждебность по отношению к субъектам такого поведения» [76, p. 17; цит. по: 6, с. 6];

2) «некоторое поведение или физическое проявление, социально вызывающее и осуждаемое, поскольку отклоняется от норм и ожиданий группы» [80, p. 4; цит. по: 6, с. 7];

3) «любое поведение, связанное с нарушением групповых норм» [67, с. 17];

4) «поведение и деятельность субъектов (индивид, группа, слой, общность), не соответствующие официально установленным законам или общепринятым в конкретном обществе нормам (образцам, ценностям, стереотипам, устоям)» [101, с. 63; 43, с. 68];

5) «социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности…» [6, с. 9].

6) «отличие от норм или от приемлемых (допустимых, принимаемых) стандартов общества» [79, p. 2; цит. по: 6, с. 7].

7) «социальная конструкция», которая «выражается в реальных поведенческих актах» [26, с. 3];

8) «всякое отклонение от признанных в социуме норм» [56, с. 100];

9) «социально-психологическое свойство личности, детерминированное одновременно как качествами субъекта, так и свойствами социальной системы, в которую он включен» [17, с. 189];

10) и т. д.

Как видно, во многих работах зарубежных и отечественных исследователей «девиантность» определяется через понятие «девиантное поведение», а сами эти термины используются в качестве синонимов. В частности, такой подход к определению девиантности был зафиксирован как один из основных в первом томе «Энциклопедии криминологии и девиантного поведения» (Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Editor-in-Chief C. Bryant), вышедшей в 2001 г. [72, p. 88–92; см. также: 6, с. 7].

В отдельных работах, например в статье Л.С. Буркиной, девиантность определяется как «нормативисткое преставление», «отчасти потому, что пространство культуры можно представить как сферу высоких идеалов норм и правил, призванных обустроить человеческое общежитие сообразно социальным и нравственным добродетелям, отчасти потому, что культура содержит определенный уровень "репрессивности", влияет на то, что принуждает человека мягко или жестко действовать определенным образом» [3, с. 53–54].

Более широкую точку зрения на проблему определения, что есть девиантология, отстаивает современный исследователь Т.А. Хагуров, предложивший рассматривать ее в рамках антропологического подхода как «социологию и психологию зла» [68, с. 6], особо подчеркивая: «…добро мы полагаем нормой, а зло — отклонением» [68, с. 6].

Во всех случаях общим в определениях понятий «девиантность», «девиантное поведение» является указание на отклонение от нормы и/или указание на нарушение нормы.

Однако являются ли понятия «девиантность» и «отклонение» синонимами? Как правило, данный вопрос остается за рамками исследовательского интереса. И потому концептуально значимой в этом аспекте представляется статья Н.В. Федоровой «Философский анализ понятия "девиантность"». Проанализировав на основе различных словарей этимологию понятий «девиантность» и «отклонение», автор пришла к ряду закономерных выводов о том, что 1) девиантность «может рассматриваться как частный случай более широкого понятия "отклонение"», 2) «его сущностными признаками являются как положительное, так и отрицательное по направленности отклонение от социальных норм и ожиданий, которое, в некоторых случаях, зависит от возраста человека» [59, с. 73].

Следовательно, девиантность может быть определена как «любое отклонение от общепринятых норм (положительное и отрицательное), которое всегда противоречит ожиданиям общества» [59, с. 73].

Релятивность понятия «девиантное поведение»

Многообразие определений понятия «девиантность» порождает и полифонизм в объяснении центрального для девиантологии термина «девиантное поведение», что отчетливо прослеживается уже на основе примеров, приведенных в предыдущем параграфе. Большинство ученых, исследующих данный феномен, отмечают, что девиантное поведение «определяется *соответствием* или *несоответствием* поступков ожиданиям общества» (курсив в книге. — *О.Т.*) [49, с. 198] и напрямую связано с понятием нормы, зависит от ценностей общества, господствующих в нем стереотипов поведения и установок. Поэтому под девиантным поведением может пониматься «не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и "девиантный" образ жизни, "девиантный" стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, среде, группе» [6, с. 6].

Е.В. Змановская, разработавшая структурно-динамическую концепцию девиантности и девиантного поведения [16; 17; 18], писала о том, что сегодня термин «девиантное поведение» используется в основном в двух значениях [15, с. 11]. В психологии, педагогике, психиатрии, криминологии под термином «девиантное поведение» понимается, как правило, «*поступок, действия* человека, не соответству-

ющие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам» [98, с. 257]. В социологии, юриспруденции, социальной психологии девиантное поведение рассматривается как «*социальное явление*, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям» [7, с. 7].

При этом нормативные точки отсчета для определения, какое поведение считать девиантным, разнятся. Одни исследователи полагают, что такой точкой отсчета являются «институционализированные ожидания», т. е. «ожидания, разделяемые и признаваемые законными внутри социальной системы» (А. Коэн) [52, с. 520–521]. Другие за норму принимают эталонные образцы поведения (S. Palmer, J. Humphery) [82, p. 3]. Третьи, учитывая реакцию общества на отклоняющееся поведение, рассматривают девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя» (Н. Смелзер) [49, с. 203]. Четвертые дают расширенное понимание девиантности и утверждают, что «девиантными могут быть не только действия, но и идеи, взгляды» (Я. Гилинский, P. Higgins, R. Butler) [6, с. 6; см. подробнее об этом: 77, p. 2]. На этом фоне выделяется позиция Т.А. Хагурова, который предлагает использовать в качестве «основания классификации» форм отклонения (=зла) Декалог — «десять заповедей Моисеевых, являющих фундамент морального кодекса Ветхого и Нового Заветов», поскольку «эти заповеди в течение тысячелетий формировали моральный облик средиземноморской цивилизации, наследниками которой считают себя страны Запада, включая Северную и Южную Америки, Ближнего Востока, Россия и Восточная Европа» и «содержащиеся в них нравственные нормы достаточно универсальны и созвучны этическим кодексам почти всех развитых культур» [68, с. 26]. И т. д.

При всей разности и одновременно сходстве позиций ученых на нормативные точки отсчета под девиантным поведением понимается и поступок, действия человека, и социальное явление (см., например: [23, с. 8]). Эта двойственность в определении понятия «девиантное поведение» создает некоторые методологические и терминологические трудности, о которых писал Я.И. Гилинский [6, с. 6], в частности

исследователю каждый раз приходится оговаривать, что понимается в конкретной работе под данным термином.

Вторая трудность связана с многозначностью слова «норма» (от лат. norma), которое в первичном своем значении понимается как «мерило, руководство, правило, закон, образец» [95, с. 451], а далее, в зависимости от области знания, оно приобретает более конкретное терминологическое наполнение (см., например: [40; 33]), позволяющее говорить о существовании правовых, технических, биологических, медицинских и пр. видов норм. При этом в каждой области знания ведущей является та норма, которая и обеспечивает (но, безусловно, не сводится к ней) понимание того, что считать девиантностью. И если нормы в области естественных и технических наук все-таки отличает объективность, то социальные нормы (одно из центральных понятий девиантологии), среди которых выделяют духовно-нравственные, морально-этические, правовые, политические, организационно-профессиональные [15, с. 21–25], имеют такие специфические свойства, как полифункциональность, относительность, динамичность, и… не имеют единого, принятого всеми определения. По этому поводу Ю.А. Клейберг справедливо писал: «…в науке столько определений этого феномена, сколько авторов, занимающихся или занимавшихся ранее разработкой этой проблемы. Это прежде всего Э. Дюркгейм, М. Вебер, У. Самнер, Т. Парсонс, Р. Мертон, Р. Миллз. Из более поздних — М. Шериф, Р. Моррис, Р. Линтон, В. Момов, В. Вичев, В. Проданов и др. Из российских ученых определение нормам дали: М.И. Бобнева, С.А. Даштамиров, Ю.А. Клейберг, В.М. Пеньков, В.Д. Плахов, А.А. Ручка, В.А. Ядов и др. Ученые норму определяют как идеал, условное обозначение объективно существующего явления, среднестатистический показатель, максимальный вариант, “равновесие” со средой, функциональный оптимум, обязательный порядок, установленную меру и т. п.» [23, с. 26].

Несмотря на многообразие определений данного понятия, практически во всех работах по исследованию феномена девиантности признается, что социальные нормы «различны… в разных обществах и в разное время» [23, с. 4]. Как следствие, «один и тот же поступок, — по мысли Н. Смелзера, — может считаться одновременно девиантным и недевиантным; более того, один и тот же поступок (например, вызов, брошенный Жанной д’Арк католической церкви) мог рассматриваться как серьезное преступление в эпоху, когда он был совершен,

и как великий подвиг, вызывающий всеобщее восхищение последующих поколений» [49, с. 198].

В то же время нормы «различны... и у различных групп в одном и том же обществе в одно и то же время (правовые нормы и "воровской закон", нормы взрослых и молодежные, нормы, правила поведения "истеблишмента" и "богемы" и т. п.)» [23, с. 4]. Это связано в том числе и с различным пониманием должного, рекомендованного и запрещенного. Как писал П. Сорокин, «*различное понимание должного, рекомендованного и запрещенного поведения ведет к борьбе, одинаковое — к миру и взаимному consensus'y*. А отсюда в свою очередь следует вывод: *Если в какой-нибудь социальной группе наблюдаются конфликты взаимного поведения ее членов*, проявляющиеся в той или иной форме борьбы, — *значит, понимание должных, рекомендованных и запрещенных шаблонов поведения различными членами группы далеко от единства и тождественности*» (курсив в книге. — *О.Т.*) [50, с. 276].

Относительность, культурно-историческая динамичность социальных норм обусловливает, таким образом, и релятивность понятия «девиантное поведение».

«Девиантный текст» в литературе Древней Руси

Начиная с конца XIX столетия было разработано несколько теорий девиантного поведения. Они получили серьезное критическое осмысление в ряде обзорных фундаментальных работ (см., например: [6; 24; 68; 66; 41; 42; 27; 32]), поэтому ограничимся здесь лаконичным перечислением основных теоретических подходов:

1) социологический подход — представлен *теорией аномии* и напряжения, социальной дезорганизации (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Р. Клауорд, С.Г. Кара-Мурза, В.В. Кривошеев [11; 37; 73; 22; 31] и мн. др.), *теорией «социальных обручей»* Т. Хирши [78], *теорией конфликта*, основывающейся на трудах К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля (Л. Козер, Р. Даррендорф и др. [25; 8]), *теорией наклеивания ярлыков* Ф. Танненбаума [88], *теорией стигмы* И. Гоффмана [75] и др.;

2) криминологический подход (Э. Сатерленд, Р. Клауорд, О. Турк, Я.И. Гилинский, Ю.Ю. Комлев и мн. др. [87; 73; 89; 6; 27]);

3) культурологический подход (А. Коэн, Т. Селлин, В. Миллер, Ж.-Н. Фишер, Ю.А. Клейберг, В.В. Колесов и мн. др. [51, с. 519–550; 85; 81; см. также: 24]);

4) постмодернистский подход (М. Фуко, Ж. Деррида и др. [65; 70; 10]);

5) биологический подход (Ч. Ломброзо, У. Шелдон, В. Эфроимсон, В.Д. Плахов, У. Пирс и др. [35; см. также: 41; 24]);

6) психологический (З. Фрейд, В. Франкл, Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская и мн. др. [62; 63; 61; 23; 15; 16; 17; 18]).

И т. д.

При всей разработанности данной проблемы в иных областях знания собственно литературоведческих исследований, посвященных художественной специфике средневековых «девиантных» текстов, практически не существует. Точнее, интерес к изображению «кромешного» мира, вторгающегося в реальную действительность, интерес к антропофагическим, криминальным, «бунташным» и такого рода сюжетам неизменно обнаруживается в исследовательских работах. Однако вопрос о том, что представляют собой «девиантные» тексты как художественное явление в памятниках литературы Древней Руси, и в частности в историческом повествовании, до сих пор не ставился. Поэтому основная задача данной статьи — дать определение понятия «девиантный» текст, показать его сущностные, отличительные признаки на примере древнерусских летописей[1].

Н. Смелзер, учитывая релятивность рассматриваемого феномена, выделил три основных компонента девиации: 1) «*человек*, которому свойственно определенное поведение»; 2) «ожидание, или *норма*, которая является критерием оценки девиантного поведения», 3) «некий *другой человек*, *группа* или *организация*, реагирующая на поведение» (курсив в книге. — *О.Т.*) [49, с. 203].

С учетом этих трех компонентов в самом общем смысле можно сформулировать следующее определение. «Девиантный» текст в памятниках литературы Древней Руси — это повествование, 1) в центре внимания которого находится поступок или действия человека (людей), который воспринимается и оценивается представителями христианской культуры (автором, редактором, переписчиком) как отклоняющийся, противоречащий общепринятым нормам и ожиданиям

[1] Безусловно, представленный в статье материал потребует дальнейшей проверки на примере различных летописных сводов и, вероятно, коррекции по мере выявления и систематизации текстов такого типа.

общества и/или экзотический, диковинный, выделяющийся своей исключительностью и 2) который отличает относительно устойчивая композиционная структура и специфическая система определенных элементов топики в рамках средневекового повествовательного канона, базирующегося на следовании литературному этикету и ориентации на образцы (подробнее см.: [44, с. 62; 34, с. 80–102].

Понятие топос, введенное в научный оборот Э.Р. Курциусом [74] и неоднократно становившееся предметом дискуссии во многих исследованиях медиевистов (см., например: [1; 55; 30; 2; 45; и мн. др.]), вслед за работой Т.Р. Руди «Топика русских житий (вопросы типологии)», используется в широком толковании термина — как «любой повторяющийся элемент текста — от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета, идеи» [44, с. 61], с учетом главных характеристик — устойчивости, повторяемости и действенности (подробнее: [44, с. 62]).

За пределами анализа понятия «девиантный» текст остаются такие случаи положительной девиации, как сюжеты о монашеских подвигах аскезы, поскольку в культуре Древней Руси они относятся к категории святости, достаточно хорошо исследованной, в том числе и с точки зрения основных топосов, и не могут рассматриваться в рамках феномена девиантности в его исходном значении.

Под девиантным поведением[2], вслед за Я.И. Гилинским [6, с. 6], понимается поступок или действие человека (группы лиц), не соответствующий/ие формально-правовым и/или фактически сложившимся в древнерусском обществе нормам морали и/или ожиданиям с точки зрения обычаев и традиций.

«Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси

Летопись, будучи одним из центральных жанров древнерусской словесности, была «основным источником сведений о прошлом Русской земли» [12, с. 42]. В то же время любой летописный свод — это не только «важный историко-политический документ», но и «сложное литературное сооружение» [12, с. 42, 40], отличающееся ансамблевым характером с точки зрения тематики, жанрового много-

[2] В дальнейшем термины «девиантное поведение» и «отклоняющееся поведение» будут использоваться в качестве синонимов.

образия, стилистики, большая часть статей в котором удовлетворяла в той или иной степени «литературному этикету». Наиболее же ярко творческая манера и личность летописца проявлялись при создании текстов о людях и событиях, нарушающих общественные, нравственные и религиозные нормы и правила поведения, не объяснимых или трудно объяснимых с точки зрения господствующего мировоззрения и/или имеющихся знаний о мире и природе человека, например, в сюжетах о княжеских преступлениях, волхвах, шаманах, самоедцах, убийствах, мятежах, странных проявлениях человеческой природы в особо драматичные периоды, такие, как голод, эпидемии и др.

Конечно, в летописях мы не найдем общего определения таких людей и событий, поскольку «одной из главных особенностей древнерусского языка, — как писал А.Ю. Юрганов, — является его нетерминологичность» [71, с. 25]. Однако отсутствие термина для их определения вовсе не означает отсутствие схожих средств их изображения и приемов рассказывания о поступках средневековых «девиантов». И поскольку летопись в известной мере зафиксировала «исторически сложившийся в конкретном обществе предел, меру, границу, интервал допустимого поведения, деятельности людей» [59, с. 72], то любой средневековый «девиантный», в том числе и летописный, текст дает представление об антимодели поведения (=девиантности) и одновременно содержит прямо или опосредованно выраженную идеальную модель поведения (=норму).

При анализе летописей как памятников литературы приходится также учитывать, что погодный принцип повествования, как справедливо отмечал И.П. Еремин, привел к тому, что историческое прошлое «предстало как простой ряд единичных фактов» и «каждый элемент этого ряда принял характерную для летописца форму *фрагмента*» (курсив автора. — *О.Т.*) [12, с. 48], который может рассматриваться и как отдельный, самостоятельный текст, и как часть целого — всего летописного свода как единого нарратива — и, соответственно, приобретать порой «внутреннюю противоречивость» (о последнем см. подробнее: [12, с. 48]).

Фрагментарность изложения исторических событий приводит к смешению различных жанровых форм: в летописи включались «легенды и предания, сказания и воинские повести, поучения и притчи, знамения и чудеса» [57, с. 60], житийные тексты и похвальные слова

и т. д. Важнейшей формой летописного повествования была погодная запись, которая «регистрировала единичные факты истории» [57, с. 60] и лапидарно, в частности, констатировала факты отклоняющегося поведения (например, убийства). При анализе феномена «девиантного» текста такие погодные записи рассматриваться не будут, поскольку они лишены «художественной формы и эмоциональности» [12, с. 52], но могут привлекаться для конкретных исследовательских целей.

В историческом повествовании Древней Руси «девиантный» текст может как представлять собой отдельный самостоятельный фрагмент, так и быть составной частью того или иного нарратива. В зависимости от жанровой формы, в составе которой проявляется «девиантный» текст, он может либо иметь развитый сюжет, либо представлять собой бессюжетное повествование (например, в составе слов, поучений). Но, вне зависимости от того, какую форму принимает «девиантный» текст (сюжетного или бессюжетного повествования), это всегда рассказ либо о действиях, нарушающих представление о нормальности поведения, либо о действиях, которые поразили книжника своей неординарностью.

Для характеристики феномена «девиантного» текста важна также проблема изоморфизма, о которой применительно к творчеству русских публицистов XVI столетия писал А.В. Каравашкин: «…изучая идеологию текста, помнить о форме и, наоборот, изучая форму, иметь в виду идейную, содержательную нагрузку всех ее элементов» [21, с. 4].

Учитывая все эти особенности, сформулируем «рабочий» вариант определения понятия, который, несомненно, потребует проверки на более обширном материале.

«Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси — это фрагменты, 1) которые представляют собой сюжетное или бессюжетное повествование, имеющее устойчивый набор композиционных элементов и отличающееся специфической системой определенных элементов топики, и 2) в центре внимания которых находится поступок или действия человека (группы людей), который воспринимается и оценивается как противоречащий общепринятым культурным, духовно-нравственным, морально-этическим, правовым нормам и ожиданиям общества и/или неординарный, экзотический, диковинный.

Ценностные ориентиры

Поскольку при рассмотрении феномена «девиантный» текст в центре внимания оказываются герои с отклоняющимся от нормы поведением, то неизбежно встает вопрос о ценностных ориентирах в литературе Древней Руси, и в частности в историческом повествовании.

Древнерусскую книжность, как часть «единого культурного пространства», включавшего «в себя обширные ареалы, в пределах которых развивалась православная традиция, определяемая многими современными исследователями как Slavia Orthodoxa[3]» [20, с. 14], отличает особая система ценностных ориентиров, восходящих прежде всего к текстам Священного Писания и Преданиям Отцов Церкви, которые пронизывает тема греха и добродетели.

«Этимологические исследования, — согласно О.Н. Козиной, — показали, что семантическая структура слова грех изначально содержала денотативные семы "действие", "нарушение" и коннотативную оценочную сему "плохо"», а корень грех искони «выражал общую идею несоответствия норме ("против правил", "обратно принятому")» [94, с. 60, 59]. При этом «семантический потенциал, заложенный в слове, позволил ему развить также религиозно-этическую семантику ("против законов религии") и войти сначала в ряд религиозных языческих терминов, а затем стать одним из центральных терминов и понятий христианства» [94, с. 60]. Однако, в отличие от языческого, мифологического сознания, истолковывающего грех прежде всего как «социальное явление» [94, с. 59] и оценивающего человека как грешника в результате нарушения установленных запретов (см. подробнее: [39, с. 315–316], в христианской культуре, и соответственно в древнерусской словесности, «в развитии общественных нравов и формировании принципов и норм поведения» [29, с. 87, перевод мой. — *О.Т.*] огромную роль играет представление о первородном грехе, обусловившем онтологическую природу греховности каждого человека, из которой исходит в описании и изложении тех или иных событий книжник. И если добродетель в христианской картине мира понимается как следование Божьим законам, то грех в широком смысле — это «нарушение отношений между человеком и Богом, проступок, про-

[3] Понятие Slavia Orthodoxa ввел в научный оборот Р. Пиккио, противопоставив и сопоставив его с понятием Slavia Romana, см.: [83].

тиворечащий божественному порядку»; «нарушение завета, попытка освободиться от зависимости от Бога» [5, с. 90]. Такое толкование отражает и «фреймовая структура концепта “грех”», представленная, согласно исследованию Е.А. Семухиной, в русском религиозном дискурсе рядом «вершинных узлов», главные среди которых — «“нарушение религиозных норм”, преступление “божественных законов” (33,2% от общего числа изученных словоупотреблений)», «“свойство, характерное для человека” (21%), “основание для наказания” (19,5%)» и др. [47, с. 14].

В этой связи важно отметить, что в «Повести временных лет», с которой были знакомы в той или иной степени все создатели последующих сводов, дается подробный пересказ истории грехопадения первых людей [100, стб. 88–89]. Адаму и Еве была дана единственная заповедь: «…и заповеда ему от древа всякого ясти от древа же единого не ясти еже разумети добру и злу…»[4] [100, стб. 88], которую не соблюли первые люди. Нарушение запрета (вкушение плода с древа познания добра и зла) именуется далее в летописи как «Адамово преступленье» [100, стб. 100], как «первое паденье», следствием которого стало «проклятье земли» [100, стб. 89]. До этого, ссылаясь на труд предшественника[5], летописец отметил: «Глаголетъ Георгии в лѣтописаньи ибо комуждо языку овѣмъ исписанъ законъ есть другимъ же обычаи зане [законъ] безаконъникомъ отечьствие мнится…» [100, стб. 14]. Таким безусловным законом, по-другому — нормой, для христианина является соблюдение библейских заповедей; соответственно, все поступки, мысли, чувства героев летописных текстов оцениваются сквозь призму этих ценностных ориентиров. Онтологическая предрасположенность человека ко злу, его изначальная греховность не означают при этом отсутствие свободы выбора у человека (поддаться искушению, согрешить или пойти дорогой света, быть добродетельным христианином), транслируемой в русских летописных текстах их создателями, во многом опирающимися в оценочных принципах рассказывания об исторических событиях и лицах на святоотеческую традицию, в частности, на труды прп. Иоанна Дамаскина, который писал о том, что и Адам в раю был условно безгрешным: «Сотворил

[4] Здесь и далее орфография упрощена. — *О.Т.*

[5] Об «ученых ссылках» Нестора-летописца на «Хронику» Амартола и других книжников см. подробнее: [9, с. 472–481].

же его Бог по природе безгрешным и по воле независимым. Но безгрешным называю не потому, что он не был восприимчив к греху, ибо одно только Божество не допускает греха, а потому что совершение греха обусловливалось не природою его, но скорее свободной волей, то есть он имел возможность пребывать и преуспевать в добре, получая содействие со стороны Божественной благодати, равно как и отвращаться от прекрасного и очутиться во зле по причине обладания свободной волей, при позволении со стороны Бога. Ибо добродетель не есть что-либо, совершаемое по принуждению» [93].

Признавая греховность «природным» [29, с. 17] свойством человеческой натуры[6], древнерусские книжники оценивали поступки человека и его самого с точки зрения соблюдения/несоблюдения им заповедей Ветхого и Нового Заветов. Нарушение конкретной заповеди Декалога (Ветхий Завет) или Нагорной проповеди (Новый Завет), поступки, идущие вразрез с нравственными максимами проповедей Иисуса Христа и притч, воспринимались как грех, как «повреждение души», возникающее, согласно святоотеческой традиции, например трудам прп. Макария Египетского, вследствие «удаления от того, что ей свойственно», т. е. от «единения» с Богом «посредством любви» (цит. по: [14, с. 25]).

В целом, несмотря на некоторую нечеткость определения понятия грех в святоотеческих текстах, о чем, в частности, писал свт. Феофан Затворник Вышенский[7], в древнерусской словесности, опирающейся на Священное Писание, на труды Отцов Церкви (св. Ефрема Сирина, свт. Григория Нисского, свт. Иоанна Златоуста, игум. Иоанна Лествичника, прп. Иоанна Дамаскина и др.), сочинения иерархов церкви[8], грех понимался всеобъемлюще: это — «всякое, как свободное и сознательное, так и несвободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и наруше-

[6] Подробнее см. статью С. Толстой «Грех в свете славянской мифологии» [29, с. 9–43].

[7] Грех, согласно восточным аскетическим текстам, по исследованию свт. Феофана Затворника Вышенского, может проявляться и как «дело» (преступное деяние), и как «расположение» (страсть, желание грешить), и как «состояние», «греховное настроение духа». См. подробнее: [103].

[8] Подробнее о понятии грех в трудах Отцов Церкви см.: Грех // Православная энциклопедия. М.: Московские учебники и Картолитография, 2006. Т. 12. URL: https://www.pravenc.ru/text/166453.html (дата обращения: 12.01.2024).

ние закона Божия» [104, с. 340]. А.М. Кремневский в «Православной богословской энциклопедии» дает, на наш взгляд, простое и исчерпывающее определение и объяснение понятия «грех», которое нашло преломление и отражение в ценностных ориентирах древнерусских книжников:

> Определение греха дано у св. ап. Иоанна Богослова: грех есть беззаконие (1 Иоан. 3, 4), т. е. нарушение закона или воли Божией, непослушание. Ап. Павел подтверждает это определение, говоря: где нет закона, нет и преступления (Рим. 4, 15). Это непослушание или нарушение воли Божией может выразиться в двух формах, в форме совершения того, что запрещено законом, и в форме неисполнения того, что приказано в законе; в том и другом случае человек совершает беззаконие, оказывает непослушание закону Божию, свою волю ставит на место воли Божией и таким образом становится противником Бога. Грешит как тот, кто обижает ближних, так и тот, кто не помогает им, имея возможность к тому, ибо сказано не только уклонися от зла, но и прибавлено — сотвори благо. В притче Господа о талантах не видно, чтобы закопавший свой талант делал какое-нибудь зло, однако он осужден за то, что не делал того добра, какое мог сделать. Таким образом, корень всякого греха заключается в своеволии, в непослушании. Так как всякое сознательное действие вытекает из соответствующей мысли или намерения, то и всякий грех, как нарушение воли Божией, зарождается в сердце человека, или в его уме. А так как греховная мысль не всегда переходит в греховное деяние, то отцы церкви, согласно учению Свящ. Писания, различают три вида грехов: грехи мысленные, грехи словесные и греховные дела. При этом, сообразно обязанностям человека к Богу, ближним и самому себе, принято различать грехи против Бога (неверие, отчаяние, ересь и др.), грехи против ближних (воровство, клевета, убийство и др.) и против себя самого (чревоугодие, блуд и др.) [97].

Столетие спустя, реконструируя представления средневекового человека о себе и окружающем мире на основе анализа памятников старославянского языка X–XI вв., Т.И. Вендина пришла к закономерному выводу о том, что в языковом сознании наших предков понятия грех и добродетель «соотносились с глобальной оппозицией добра и зла». В работе «Средневековый человек в зеркале старославянского

языка» она приводит разделенный на три группы перечень того, что считалось грехом (=злом): прегрешения перед Богом, перед людьми и перед самим собой, — раскрывая, по сути, на языковом материале глубинные размышления средневековых богословов и философов (ср., например, с описанием грехов в «Лествице» игум. Иоанна, «Пандектах Боговдохновенных Священных Писаний» прп. Антиоха, Словах Григория Богослова, Иоанна Златоуста и др.) [4, с. 205–211].

Таким образом, в древнерусской книжности грех понимался максимально широко: как «экзистенциальная характеристика человеческой жизни» [91], и как «личная вина», т. е. поступки, мысли, слова, чувства, пристрастия человека — сознательные и бессознательные, вольные и невольные, причиняющие вред и самому грешнику, и тем, по отношению к кому совершалось или было направлено греховное деяние/устремление, — и как вина народная. Не последнюю роль в таком широком понимании греха сыграли и новозаветные апокрифы, в частности перечни грехов в «Дидахе» при описании «пути смерти», в «Послании Варнавы» при описании «пути тьмы», в олицетворениях в «Пастыре», а также в «Апокалипсисе Петра» и «Деяниях Иуды Фомы апостола» (см. подробнее: [36]).

Наделенное всеобъемлющими свойствами, понятие грех для древнерусских книжников отражает все архетипы зла (искушающего, соблазняющего, насилующего — подробнее см.: [68, с. 312–324]) и проявляется на уровне мысли, чувства, действия, слова. Принципиальные различия в понимании греха в восточных (грех как порок или страсть, т. е. состояние) и западных (грех как поступок) святоотеческих текстах (см.: [39, с. 317–320]) в литературной традиции Древней Руси нивелируются, и в результате и поступок, и чувство, и мысль, и слова оказываются равно грешными и равно художественно представленными в разных памятниках. При этом в понятие грех прочно инкорпорируются понятия вины (осознаваемой или неосознаваемой) и наказания, покаяния и возможного прощения (см., например: [13; 28; 19]).

Древнерусские тексты, в основе которых лежит мотив греха, запечатлевают, таким образом, не только греховные дела, но и грехи мысленные, словесные и, как правило, всегда включают мотивы вины, покаяния, порой — наказания и прощения. Так, например, протопоп Аввакум, повествуя о своих первых испытаниях в «Житии», расска-

зывает, как однажды к нему на исповедь пришла девица, «многими грехми обремененна, блудному делу и малакии всякой повинна» [92, с. 23]. С плачем она поведала протопопу подробно свои прегрешения. «Аз же, — пишет далее Аввакум, — треокаянный врач, сам разболелся, внутрь жгом огнем блудным…» [92, с. 23]. Перед нами — начало типичного рассказа об искушающем зле, в котором мотив греха задается в первых строках: девица по роду своего занятия — грешница, и воспылавший к ней страстью протопоп тоже грешник, блуд действенный и блуд мысленный — в данном случае не имеет значения, оба подвержены злу. Желание обладать женщиной приводит к нарушению заповеди «Не прелюбодействуй!», т. е. к мысленному греху. Но Аввакум не переходит границу, пролегающую между нормативным (соответствующим заповедям) и ненормативным (греховным, не соответствующим заповедям) поведением, подавляет «злое разжежение» плоти, возлагая правую руку на пламя свечи [92, с. 23]. Грех остается на уровне чувств и мыслей, замыкается на личности человека, на его внутренних переживаниях. Драматургия зла здесь выстраивается через нагнетание чувств.

Осознавая свою греховность, протопоп Аввакум ощущает вину (иронично называет себя «треокаянный врач»), подвергает себя наказанию (сознательно причиняет себя физическую боль огнем[9], чтобы «угасло… разжежение»; по возвращении домой плачет, падая «на землю на лицы своем», перед «образом господним, яко и очи опухли», молится [92, с. 23]) и получает прощение (пророческое видение трех кораблей).

Иначе организованы сюжеты «девиантных» текстов, которые не сводимы исключительно к понятию греха, хотя и являются его органичной частью.

Художественная специфика «девиантных» текстов: предварительные замечания

Поскольку девиантность определяется не только как отрицательное, но и как положительное отклонение от нормы, то и «девиантные» тексты можно разделить на две основные группы. Первая группа — «девиантные» тексты, в которых запечатлевается исключительно

[9] Подробнее о семантике огня в творчестве протопопа Аввакума см.: [58, с. 64–69].

насилующее зло, проявленное в жестоких, зачастую необычных, экстраординарных поступках (отрицательное отклонение), они представляют собой частный случай одной стороны греха — «греховных дел», которым может предшествовать «греховная мысль». Вторая группа — «девиантные» тексты, фиксирующие положительное отклонение, они дают образец идеальной картины мира, идеального или правильного, должного поведения в той или иной экстремальной, неординарной жизненной ситуации[10].

Общая сюжетная схема «девиантного» текста по предварительным наблюдениям выглядит следующим образом: 1) исходная ситуация, приведшая к девиантному поведению (иногда ей предшествует представление героев или дается изображение ситуации до конфликта — иногда идиллическое и/или не предвещающее противоборства, иногда, наоборот, экстремальное, кризисное и провоцирующее ненормативное поведение и конфликт); 2) собственно рассказ[11] (подробный или краткий) о поступке/ах героя или группы людей; 3) дискурсивная или эмоциональная оценка, отражающая либо реакцию общества на содеянное, либо выражающая мнение о нем автора или редактора текста. Тематическое разнообразие сюжетных и бессюжетных «девиантных» текстов приводит к «подвижности» композиционной структуры, что может находить выражение, например, в том, что оценка конкретного события или ее отдельные элементы могут предшествовать рассказу об исходной ситуации.

Так, в Псковской 2-й летописи под 6975 (1467) г. читается «девиантный» текст о мятеже[12]. Он имеет трехчастную структуру, в которой наличествуют все три элемента, но оценка вынесена на первое место.

[10] «Девиантные» тексты второй группы, в сопоставлении с «девиантными» текстами первой группы, будут представлены в нашей последующей публикации.

[11] Повествование о поступке героя (группы людей) может иметь сравнительно развитый сюжет, а может представлять собой перечень (краткий или пространный) девиантных, с точки зрения книжника, поступков. Под сюжетом в данном случае понимается «художественно целесообразная система событий» [60, с. 100], «интегрирующим стержнем» [60, с. 107] которых является конфликт, т. е. «противоборство, противоречие» [60, с. 94], или «противоположность, содержащаяся в ситуации» [90, с. 213], или «соприкосновение противоположных стремлений» [86, s. 131].

[12] Рассказ о мятеже под 6975 (1467) г. в Псковской 2-й летописи можно рассматривать как один из показательных «девиантных» текстов, фиксирующих отрицательное отклонение.

Описывая исходную ситуацию, летописец создает яркую зарисовку, в которой важна каждая деталь. Бытовой конфликт происходит между двумя героями: «псковитином», везущим «съ огорода капусту черес Торгъ мимо княжеи дворъ», и шестником, который «похитивъ силою наручье тое капусты» и «даде княжому барану» [99, с. 56]. «Наручье», согласно «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, означает «столько, сколько в руки можно взять» [102, с. 324]. Шестник схватил, видимо, небольшое количество кочанов, поскольку взять много капусты в охапку просто физически невозможно. Но летописец подчеркивает: «похитивъ силою» [99, с. 56], т. е. насильно, не договорившись с псковитянином, не приобретя законно и т. п. Формально во фрагменте озвучена и цель бытового преступления — «даде княжому барану» [99, с. 56]. Был ли баран голоден или нет — летопись умалчивает. Благое намерение — желание накормить животное — никак не объясняется в тексте, да это и неинтересно книжнику. Важно другое: условная положительность намерения шестника уничтожается за счет упоминания маленькой детали — он не просто «похитивъ», а отобрал «силою».

До того, как поведать исходную ситуацию, описанную в анекдотическом стиле, летописец приводит традиционное трансцендентное объяснение произошедшего: «…всегда ненавидяи человечьскаго добра диаволъ, но пропиная многия сѣти своя, веля быти в ненависти и во вражде другу на друга, свади пскович с княжими людьми...» [99, с. 56]. Это объяснение выполняет две функции в тексте — является дискурсивной оценкой описанного далее события и одновременно задает ведущий мотив вражды и ненависти, который пронизывает весь эпизод. Подспудно читателю внушается мысль о том, что шестник отбирает капусту и отдает ее барану не по причине голода животного, не из добрых побуждений, не потому, что имел на это право. Шестник действует из внутреннего чувства вражды к псковичам; по факту — грабит проезжавшего мимо княжеского двора псковитянина, присваивая силой чужое добро и распоряжаясь им по собственному усмотрению; и не оценивает свой поступок как грабеж, за который придется дать ответ[13].

[13] Подробнее о хищениях и ответственности за них см.: [38; 96].

Это самовольное насилие становится своеобразным «девиантогенным фактором»[14], который, как правило, в «девиантных» текстах представлен триггер-мотивом, являющимся часто одновременно и психологической причиной, и «спусковым механизмом» для совершения преступления, т. е. первопричиной развития собственно сюжета.

В качестве такого триггер-мотива в «девиантных» текстах может выступать и информативный диалог (термин В.С. Савельева), который, как правило, «сводится к вопросно-ответным парам» [46, с. 501]. Будучи одним из факультативных, но, несомненно, важных микроэлементов «девиантных» текстов, он порождает «особое психологическое состояние» [46, с. 505], обостряя внутренний конфликт и провоцируя персонажа на совершение преступных деяний. Так, переданный князю Владимиру диалог полоцкого князя с дочерью Рогнедой, согласно «Повести временных лет», ее отказ выйти замуж за «робичича» и желание стать женой Ярополка стали причиной того, что отвергнутый князь «собра вои многи Варяги и Словѣни Чюдь и Кривичи и поиде на Рогъволода <…> и оуби Рогъволода и сына его два и дъчерь его поя женѣ…» [100, стб. 76].

Роль триггер-мотива может сыграть и прямая речь. Например, в эпизоде сбора дани у древлян обращение дружины к князю, исполненное зависти («В се же лѣто рекоша Дружина Игореви отроци Свѣнелъжи изодѣлися суть оружьемъ и порт а мы нази поиди княже с нами в дань да и ты добудеши и мы…» [100, стб. 54]), и обращение послов к князю Игорю носят характер «директивов», т. е. директивных речевых актов, имеющих целью «добиться того, чтобы слушающий нечто совершил» [48, с. 182]. Подобные директивные речевые акты каждый раз в «девиантных» текстах исполняют роль «девиантогенного фактора», который провоцирует дальнейшие преступные деяния. Дружинники побуждают князя Игоря отправиться за данью, и он прибавляет к прежней новую, «насиляше имъ» [100, стб. 54]. В результате сбор дани превращается в «ограбление враждебного и побежденного народа» [69, с. 41]. Чуть позже древляне, не сумевшие остановиться словесно князя, пришедшего повторно за данью, убивают и его, и дружинников.

[14] Понятие «девиантогенный фактор», под которым понимается «*противоречие* (“напряжение”, *strain*) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества…», было введено Я.И. Гилинским [6, с. 6].

Однако вернемся к эпизоду мятежа в Пскове. Отъем чужого имущества приводит к бытовому конфликту, изначально возникшему между двумя героями, в который затем втягиваются сторонники псковитянина и шестника: «…и про то начаша псковичи которатися с шестьниками» [99, с. 56]. Совершенное шестником зло, казалось бы малозначительное по сравнению, например, с убийством (вспомним сюжет об убийстве Бориса и Глеба Святополком Окаянным), начинает разрастаться и превращается в конфликт социальный — между людьми князя и псковичами.

Драматургия зла выстраивается во фрагменте через нагнетание действий: «И они (шестники. — *О.Т.*) поидоша на пскович с ножами, и начаша стрелами стреляти по Торгу ходя, и самъ князь Ярославъ възложи на ся ратную приправу, и нача стрѣляти и многых раниша, а дву человѣкъ до смерти застрелиша, и тако псковичи поидоша на них з дрекольем и с камениемъ, и оубиша на Торгу повара княжого Курву, и въмятеся весь град…» [99, с. 56]. Летописный рассказ отличает динамичность, которая рождается благодаря лаконичным описаниям происходящего через глагольную лексику.

Отсутствие описания эмоций и сосредоточенность на перечислении конкретных действий указывает на своеобразие развития сюжета в «девиантных» текстах — это сознательное, порой на уровне перечня, нагромождение стремительно сменяющих друг друга картин жестоких деяний «девианта/ов», подчиненных особой художественной логике (логике рассказа о «размножающемся» зле, когда первое деяние влечет за собой второе, второе — третье, третье — четвертое и т. д., пока что-то или кто-то не остановит злодея).

Э. Фромм в книге «Анатомия человеческой деструктивности» вводит понятия «доброкачественной» и «злокачественной» агрессии [64, с. 17, 240–564]. Понятие «доброкачественная» агрессия применяется «в отношении поведения, связанного с самообороной, с ответной реакцией на угрозу». «Злокачественную» агрессию, под которой подразумевается «специфически человеческая страсть к абсолютному господству над другим живым существом и желание разрушать» Э. Фромм выделяет в «особую группу» и называет «деструктивностью» и «жестокостью» [64, с. 17]. В рассматриваемом эпизоде о мятеже из-за капусты «доброкачественная» агрессия псковичей перерастает под воздействием «злокачественной» агрессии шестников

в аналогичную. Центральным мотивом повествования о «которе» псковичей с шестниками становится мотив убийства, который охватывает и условно правых (пострадавших, псковичей), и виноватых (нападающих, шестников). И те, и другие пылают ненавистью друг к другу, взаимовраждебный настрой приводит к коллективному девиантному поведению, следствием которого становится мятеж в городе, продолжавшийся до тех пор, пока «нъкотории смыслени люди едва оуставиша народ, и тако по малу оуляже брань» [99, с. 56].

Таким образом, конфликт, начавшийся в результате мелкого грабежа как бытовое хулиганство, совершенное одним человеком по отношению к другому, трансформировался в социальный конфликт, участниками которого стали горожане и люди князя. «Маленькое» зло привело к череде преступлений, ранениям, убийству трех человек. При этом ни шестники, ни псковичи не испытывают чувства вины, не каются в содеянном; охваченные враждой и ненавистью, они избивают друг друга, забыв о первопричине конфликта. На первом плане в повествовании оказывается поэзия фактов, способных поразить читателя иногда сильнее, нежели пространное описание сферы чувств и авторские комментарии происходящего. Главным является сюжет, создающий особую драматургию зла, что можно рассматривать как одну из важных особенностей «девиантных» текстов криминальной тематики в историческом повествовании Древней Руси.

В завершение отметим, что в дальнейшем при анализе «девиантных» текстов, объединенных одной темой, указанные элементы сюжетной схемы могут быть раскрыты подробнее через установление типичных одинаковых мотивов, а внутри конкретной тематической группы могут наблюдаться свои сюжетные топосы и мотивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1 *Адрианова-Перетц В.П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР, 1947. 188 с.

2 *Антонова М.В.* Сюжетные топосы в агиографии. Постановка вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 172–175.

3 *Буркина Л.С.* Социокультурная реальность в логике девиантности // Научная мысль Кавказа. 2014. № 2. С. 53–57.

4 *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

5 *Гак В.Г.* Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–96.

6 *Гилинский Я.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 520 с.

7 *Гилинский Я.И., Афанасьев В.С.* Социология девиантного поведения: учеб. пособие. СПб.: [б. и.], 1993. 167 с.

8 *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.

9 *Демин А.С.* «Повесть временных лет» и «Хроника» Георгия Амартола (к вопросу о повествовательной эволюции летописи) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 14 / отв. ред. Ф.С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 457–483.

10 *Деррида Ж.* Вокруг Вавилонских башен / пер. с фр. и коммент. В.Е. Лапицкого. 2-е изд., испр. СПб.: Machina, 2012. 117 с.

11 *Дюркгейм Э.* Самоубийство: = Le Suicide: социологический этюд; пер. с фр. А.Н. Ильинского; [послесл. Вал.А. Лукова]. СПб.: Союз, 1998. 492 с.

12 *Еремин И.П.* Лекции по древней русской литературе. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 208 с.

13 *Жуковская Л.И., Сайгин В.В.* Концептуальное поле «ГРЕХ» в контексте изучения языковой ментальности // Научный диалог. 2017. № 12. С. 113–125. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-113-125. URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/631/450 (дата обращения: 22.01.2024).

14 <*Зарин С.М.*> Аскетизм по православно-христианскому учению: Этико-богословское исследование Сергея Зарина / [вступ. ст. А.И. Сидорова]. М.: Паломник, 1996. 693 с.

15 *Змановская Е.В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2003. 288 с.

16 *Змановская Е.В.* Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход. СПб.: Изд-во СПб Ун-та МВД России, 2005. 274 с.

17 *Змановская Е.В.* Структурно-динамическая концепция девиантного поведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 5 (133) С. 189–195.

18 *Змановская Е.В.* Эмпирическое обоснование структурно-динамической концепции девиантного поведения // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2012. № 4. С. 96–102.

19 *Иванов С.А.* «Не согрешишь — не покаешься»: о парадоксах спасения души на Руси и в Византии // Труды Института русского языка им. В.В. Виногра-

дова. М., 2016. Т. 9. С. 35–40. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28392923 (дата обращения: 22.01.2024).

20 *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVII вв.). 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 720 с.

21 *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: проблема творческой индивидуальности (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский): автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2001. 48 с.

22 *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.

23 *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения: учеб. пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, при участии «Юрайт-М», 2001. 160 с.

24 *Клейберг Ю.А.* Теоретико-методологические обоснования психологии девиантного поведения // Методология современной психологии. 2020. № 11. С. 149–165.

25 *Козер Л.* Функции социального конфликта / пер. с англ. яз. О. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Идея-пресс: Дом интеллектуал. кн., 2000. 205 с.

26 *Комлев Ю.Ю.* Классификация теорий девиантного поведения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 4, № 2 (12). С. 3–9.

27 *Комлев Ю.Ю.* Теория девиантного поведения: учеб. пособие / М-во внутренних дел Российской Федерации, Казанский юридический ин-т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издат. дом Альфа-Пресс, 2014. 222 с.

28 *Кондратьева О.Н.* Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси // Вопросы когнитивной лингвистики: Научно-теоретический журнал. 2011. № 4. С. 36–47. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskaya-reprezentatsiya-religioznyh-kontseptov-v-literature-drevney-rusi/viewer (дата обращения: 15.01.2024).

29 Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сборник статей. Сэфер. Академическая серия. М.: Пробел, 2000. Вып. 5. 232 с. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Koncept_grexa_v_slav%27anskoj_i_evrejskoj_kul%27turnoj_tradicii.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

30 *Конявская Е.* Проблема общих мест в древнеславянских литературах // Ruthenica. Київ, 2004. С. 80–92.

31 *Кривошеев В.В.* Короткие жизненные проекты как основа аномии в современном обществе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 6. С. 69–77.

32 *Кузьменков В.А.* Аномия: основные подходы // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 1. С. 31–41. https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41

33 *Левченко Э.В.* Современные контуры теории девиантного поведения // Технологии гуманитарного поиска. Лингвистика. История: сб. ст. / БелГУ, Ин-т филологии; под ред. В.К. Харченко. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2000. С. 104–110.

34 *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.

35 *Ломброзо Ч.* Преступный человек / пер. с ит. М.: Эксмо: МИДГАРД, 2005. 876 с.

36 *Лях Е.Е.* Формирование представления о грехе в раннехристианской литературе I–IV вв. (по текстам новозаветных апокрифов) // Ярославский педагогический вестник. 2005. № 3. С. 17–22.

37 *Мертон К.Р.* Социальная структура и аномия / пер. с фр. Е.А. Самарской; ред. пер. М.Н. Грецкий // Социология преступности: Современные буржуазные теории. М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

38 *Петров И.В.* Формы хищения имущества в Древней Руси: разбой (X — начало XI в.) // Современные наукоемкие технологии. 2012. № 12. С. 44–46. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=31137 (дата обращения: 20.03.2024).

39 *Пешков А.А.* Христианское понимание греха // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2009. № 7. С. 311–325.

40 *Попова Е.В.* Содержание понятия ʻнормаʼ: основные смыслы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329). Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 108–112.

41 *Радюкин Е.Е., Морозова О.А.* Основные концепции девиантного поведения в зарубежных источниках // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 2 (46). С. 228–232.

42 *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 688 с.

43 *Романенко М.В.* Мутации девиантности в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2018. С. 68–76.

44 *Руди Т.Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. С.А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 1. С. 59–101.

45 *Руди Т.Р., Водолазкин Е.Г.* Из истории литературной топики: старообрядческая традиция // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377

46 *Савельев В.С.* Коммуникативное событие в представлении древнерусского книжника (по материалам «Повести временных лет») // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 14 / отв. ред. Ф.С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 484–516.

47 *Семухина Е.А.* Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2008. 22 с. URL: https://www.dissercat.com/content/kontsept-grekh-v-natsionalnykh-yazykovykh-kartinakh-mira/read (дата обращения: 20.01.2024).

48 *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–194.

49 *Смелзер Н.* Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
50 *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 618 с.
51 Социология преступности: (Современные буржуазные теории): сб. ст. / пер. с англ. канд. юрид. наук А.С. Никифорова и д-ра юрид. наук А.М. Яковлева; под ред. проф. Б.С. Никифорова; вступ. ст. профессоров В.Н. Кудрявцева и Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1966. 368 с.
52 Социология сегодня. Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX в.: [сб. ст.]: сокр. пер. с англ. / общ. ред. и предисл. проф. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1965. 684 с.
53 *Тард Г.* Личность и толпа = (L'opinion et la foule): Очерки по социал. психологии / пер. с фр. Е.А. Предтеченский. СПб.: А. Большаков и Д. Голов, 1903. 178 с.
54 *Тард Г.* Преступник и преступление / пер. Е.В. Выставкиной, под ред. М.Н. Гернета и с предисл. Н.Н. Полянского. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1906. XX, 324 с.
55 *Творогов О.В.* Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси (на материале агиографии) // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 20. С. 29–40.
56 *Терещенко О.В., Гринь М.В.* Девиантность и устойчивый порядок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-1. С. 100–102.
57 *Травников С.Н., Ольшевская Л.А.* История русской литературы. Древнерусская литература: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2007. 510 с.
58 *Туфанова О.А.* Творчество Аввакума: поэтика трагического // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 14 / отв. ред. Ф.С. Капица. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 9–140.
59 *Федорова Н.В.* Философский анализ понятия «девиантность» // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 70–73.
60 *Федотов О.И.* Основы литературоведения: в 2 ч. М.: Директ-Медиа, 2023. Ч. 1: Литературное творчество. Литературное произведение: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 324 с.
61 *Франкл В.Э.* Человек в поисках смысла: [Сборник] / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
62 *Фрейд З.* Избранное. Книга 1. М.: Изд-во «Московский рабочий» с совместным советско-западно-германским предприятием «Вся Москва», 1990. 160 с.
63 *Фрейд З.* Неудовлетворенность культурой. М.: Изд-во «Московский рабочий» с совместным советско-западно-германским предприятием «Вся Москва», 1990. 176 с.
64 *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ, 2015. 618 с.
65 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. М.: Ад Мартинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 416 с.

66 *Фурсова В.В., Маслова Л.П.* Социология девиантного поведения: учеб. пособие. Казань: Казанский ун-т, 2022. 122 с.
67 *Хагуров Т.А.* Введение в современную девиантологию: учеб. пособие. Ростов н/Д: Тип. Кубан. гос. аграрного ун-та, 2003. 343 с.
68 *Хагуров Т.А.* Девиантология — социология и психология зла. М.: ИНФРА-М, 2024. 412 с.
69 *Шайкин А.А.* «Се повѣсти времяньных лѣтъ…». От Кия до Мономаха. М.: Современник, 1989. 253 с.
70 *Юнг К., Фуко М.* Матрица безумия (сборник) М.: Родина, 2020. 304 с.
71 *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998. 448 с.
72 *Bryant C.D.* (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. Philadelphia, PA: Brunner-Routledge, 2001. Vol. 1. 456 p.
73 *Cloward R.A.* Illegitimate means, anomie, and deviant behavior // American Sociological Review. 1959. Vol. 24, April. P. 164–177.
74 *Curtius, E.R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern; Miinchen: Francke, 1984. 10. Aufl. S. 89–115.
75 *Goffman E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. New Jersey: Prentice-Hall, 1963. 147 p.
76 *Goode E.* Deviant Behavior. Second Edition. New Jersey: Englewood Cliffs, 1984. 322 p.
77 *Higgins P.C., Butler R.R.* Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982. 292 p.
78 *Hirschi T.* Causes of delinquency. Berkeley: University of California Press, 1969. 309 p.
79 *McCaghy Ch.H., Carpon T.* Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994. 502 p.
80 *McCaghy Ch., Carpon T., Jamieson J.* Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups. Fifth Edition. Boston, MA: Allyn and Bacon, 2000. 468 p.
81 *Miller W.B.* Lower class culture as a generating milieu of gang delinquency // Journal of Social Issues. 1958. Vol. 14 (3). P. 5–19. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1958.tb01413.x. URL: https://www.sci-hub.ru/10.1111/j.1540-4560.1958.tb01413.x (дата обращения: 16.02.2024).
82 *Palmer St., Humphery J.A.* Deviant Behavior: Patterns, Source and Control. New York: Plenum Press, 1990. 294 p.
83 *Picchio R.* Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' Varianta of Slavic Culture // Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti. Napoli: [s. n.], 1998. P. 1–23.
84 Principles of criminology / By the late Edwin H. Sutherland. 5. ed. / Rev. by Donald R. Cressey. Chicago etc.: Lippincott, Cop. 1955. VIII, 646 p.
85 *Sellin Th.* Culture Conflict and Crime. New York: Social Science Research Council Report, 1938 (Bulletin 41). 116 p.

86 *Sierotwiński St.* Słownik terminów literackich: Teoria i nauki pomocnicze literatury. Wroclaw: Wydawnictwo PAN, 1966. 351 s.
87 *Sutherland E.H.* Principles of criminology / By the late Edwin H. Sutherland. 5. ed. / Rev. by Donald R. Cressey. Chicago etc.: Lippincott, Cop. 1955. 646 p.
88 *Tannenbaum F.* Crime and community. New York: Columbia University Press, 1951. 487 p.
89 *Turk A.* Criminality and legal order. Chicago: Rand McNally, 1969. 184 p.

Источники

90 *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика: в 4 т.: [Перевод]. М.: Искусство, 1968–1973. Т. 1 (1968). 312 с.
91 *Живов В.М.* Русский грех и русское спасение / Публичная лекция. 2009. URL: http://polit.ru/article/2009/08/13/pokojanije/. https://istina.russian-albion.com/ru/chto-est-istina--025-iyun-2011-g/v-jivov-russkiy-greh-i-russkoe-spasenie (дата обращения: 20.01.2024).
92 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1979. 365 с.
93 Источник знания / Творения преподобного Иоанна Дамаскина; пер. и коммент. Д.Е. Афиногенова [и др.]. М.: Индрик, 2002. 414 с. (Святоотеческое наследие / Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-т). URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very/2_12 (дата обращения: 19.02.2024).
94 *Козина О.Н.* Грех // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 2. С. 58–73. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publikacii/Antologija_konceptov/Antologia_2.pdf (дата обращения: 15.01.2024).
95 Латино-русский словарь: около 20000 слов / сост. А.М. Малинин. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 764 с.
96 Новгородская и Псковская судныя грамоты: Тексты с предисл. и крат. объясн. словарем, сост. канд. прав А.Б. Гинцбургом. СПб.: Тип. и лит. Бермана и Рабиновича, 1888. 41 с.
97 Православная богословская энциклопедия. Петроград, 1903 (Приложение к духовному журналу «Странник» за 1903 г.). Т. 4. Стб. 767. URL: http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaja-bogoslovskaja-jenciklopedija/tom-4/greh.html (дата обращения: 28.01.2024).
98 Психология: Словарь / [Абраменкова В.В. и др.]; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
99 Псковские летописи. Выпуск второй / под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 364 с.
100 ПСРЛ. 2-е изд. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. 151 с., 286 стб.
101 Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор — академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издат. группа ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488 с.

102 *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Изд-е Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1902. Т. II: Л–П. 1802 стб.

103 *Феофан Затворник, святитель.* Начертание христианского нравоучения. 2-е изд. Правило веры, 2010. 686 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/nachertanie-hristianskogo-nravouchenija/2#h416 (дата обращения: 19.02.2024).

104 Христианство. Энциклопедический словарь / под ред. Н.М. Ланда и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. Т. 1: А–К. 861 с.

REFERENCES

1 Adrianova-Peretts, V.P. *Ocherki poeticheskogo stilia Drevnei Rusi* [*Essays on the Poetic Style of Old Russia*]. Moscow, Leningrad, 1-ia tipografiia izdatel'stva AS USSR Publ., 1947. 188 p. (In Russian)

2 Antonova, M.V. "Siuzhetnye toposy v agiografii. Postanovka voprosa" ["Plot Topoi in Hagiography. Statement of a Question"]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, 2013, pp. 172–175. (In Russian)

3 Burkina, L.S. "Sotsiokul'turnaia real'nost' v logike deviantnosti" ["Sociocultural Reality in the Logic of Deviance"]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, no. 2, 2014, pp. 53–57. (In Russian)

4 Vendina, T.I. *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavianskogo iazyka* [*Medieval Man in the Mirror of the Old Church Slavonic Language*]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 336 p. (In Russian)

5 Gak, V.G. "Aktantnaia struktura grekhov i dobrodetelei" ["Actant Structure of Sins and Virtues"]. Arutiunova, N.D., and T.E. Ianko, and N.K. Riabtseva, ex. editors. *Logicheskii analiz iazyka: Iazyki etiki* [*Logical Analysis of Language: Languages of Ethics*]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 90–96. (In Russian)

6 Gilinsky, Ia. *Deviantologiia: sotsiologiia prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"* [*Deviantology: Sociology of Crime, Narcotism, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"*]. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press, 2004. 520 p. (In Russian)

7 Gilinsky, Ia.I., and B.C. Afanas'ev. *Sotsiologiia deviantnogo povedeniia: uchebnoe posobie* [*Sociology of Deviant Behavior: Textbook. Allowance*]. St. Petersburg, [s. n.], 1993. 167 p. (In Russian)

8 Darendorf, R. *Sovremennyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody* [*Modern Social Conflict. Essay on the Politics of Freedom*], trans. from German by L.Iu. Pantina. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 284 p. (In Russian)

9 Demin, A.S. "'Povest' vremennykh let' i 'Khronika' Georgiia Amartola (k voprosu o povestvovatel'noi evoliutsii letopisi)" ["'The Tale of Bygone Years' and 'Chronicle' by Georgy Amartol (on the Issue of the Narrative Evolution of the Chronicle"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 14, ex. ed. F.S. Kapitsa. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 457–483. (In Russian)

10 Derrida, Zh. *Vokrug Vavilonskikh bashen* [*Around the Towers of Babel*], trans. from French and comm. by V.E. Lapitskii. 2nd ed., corr. St. Petersburg, Machina Publ., 2012. 117 p. (In Russian)

11 Diurkgeim, E. *Samoubiistvo: = Le Suicide: sotsiologicheskii etiud* [*Suicide: = Le Suicide: a Sociological Study*], trans. from French by A.N. Il'inskii; [avterword by Val.A. Lukov]. St. Petersburg, Soiuz Publ., 1998. 492 p. (In Russian)

12 Eremin, I.P. *Lektsii po drevnei russkoi literature* [*Lectures on Old Russian Literature*]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1968. 208 p. (In Russian)

13 Zhukovskaia L.I., Saigin V.V. "Kontseptual'noe pole 'GREKh' v kontekste izucheniia iazykovoi mental'nosti" ["Conceptual Field 'SIN' in the Context of Studying Linguistic Mentality"]. *Nauchnyi dialog*, no. 12, 2017, pp. 113–125. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-113-125. Available at: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/631/450 (Accessed 22 January 2024). (In Russian)

14 <Zarin, S.M.> *Asketizm po pravoslavno-khristianskomu ucheniiu: Etiko-bogoslovskoe issledovanie Sergeia Zarina* [*Asceticism According to Orthodox Christian Teaching: Ethical and Theological Study of Sergei Zarin*], [introd. by A.I. Sidorov]. Moscow, Palomnik Publ., 1996. 693 p. (In Russian)

15 Zmanovskaia, E.V. *Deviantologiia: (Psikhologiia otkloniaiushchegosia povedeniia): uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [*Deviantology: (Psychology of Deviant Behavior): a Textbook for Students of Higher Educational Institutions*]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia" Publ., 2003. 288 p. (In Russian)

16 Zmanovskaia, E.V. *Psikhologiia deviantnogo povedeniia: strukturno-dinamicheskii podkhod* [*Psychology of Deviant Behavior: Structural-Dynamic Approach*]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2005. 274 p. (In Russian)

17 Zmanovskaia, E.V. "Strukturno-dinamicheskaia kontseptsiia deviantnogo povedeniia" ["Structural-Dynamic Concept of Deviant Behavior"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, issue 5 (133), 2013, pp. 189–195. (In Russian)

18 Zmanovskaia, E.V. "Empiricheskoe obosnovanie strukturno-dinamicheskoi kontseptsii deviantnogo povedeniia" ["Empirical Justification of the Structural-Dynamic Concept of Deviant Behavior"]. *Mediko-biologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie problnmy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh*, no. 4, 2012, pp. 96–102. (In Russian)

19 Ivanov, S.A. "'Ne sogreshish' — ne pokaesh'sia': o paradoksakh spaseniia dushi na Rusi i v Vizantii" ["'If you don't sin, you won't repent:' on the Paradoxes of Soul Salvation in Rus' and Byzantium"]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova* [*Proceedings of V.V. Vinogradov Institute of Russian Language*], vol. 9. Moscow, 2016, pp. 35–40. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=28392923 (Accessed 22 January 2024) (In Russian)

20 Karavashkin, A.V. *Literaturnyi obychai Drevnei Rusi (XI–XVII vv.)* [*Literary Custom of Old Russia (11th–17th Centuries)*]. 2nd ed., rev. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018. 720 p. (In Russian)

21 Karavashkin, A.V. *Russkaia srednevekovaia publitsistika: problema tvorcheskoi individual'nosti (Ivan Peresvetov, Ivan Groznyi, Andrei Kurbskii): avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [*Russian Medieval Journalism: the Problem of Creative Individuality (Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky)*]. DSc in Philology Thesis. Moscow, 2001. 48 p. (In Russian)

22 Kara-Murza, S.G. *Anomiia v Rossii: prichiny i proiavleniia* [*Anomie in Russia: Causes and Manifestations*]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2013. 264 p. (In Russian)

23 Kleiberg, Iu.A. *Psikhologiia deviantnogo povedeniia: uchebnoe posobie dlia vuzov* [*Psychology of Deviant Behavior: a Textbook for Universities*]. Moscow, TTs Sfera, pri uchastii "Iurait-M" Publ., 2001. 160 p. (In Russian)

24 Kleiberg, Iu.A. "Teoretiko-metodologicheskie obosnovaniia psikhologii deviantnogo povedeniia" [*Theoretical and Methodological Substantiations of the Psychology of Deviant Behavior*]. *Metodologiia sovremennoi psikhologii*, no. 11, 2020, pp. 149–165. (In Russian)

25 Kozer, L. *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [*Functions of Social Conflict*], trans. from English by O. Nazarova; ex. ed. L.G. Ionin. Moscow, Ideia-press, Dom intellektual'noi knigi Publ., 2000. 205 p. (In Russian)

26 Komlev, Iu.Iu. "Klassifikatsiia teorii deviantnogo povedeniia" ["Classification of Theories of Deviant Behavior"]. *Vestnik Kazanskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 4, no. 2 (12), 2013, pp. 3–9. (In Russian)

27 Komlev, Iu.Iu. *Teoriia deviantnogo povedeniia: uchebnoe posobie* [*Theory of Deviant Behavior: Textbook*]. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, Kazanskii iuridicheskii universitet. 2nd ed., corr. and rev. St. Petersburg, Izdatel'skii dom Al'fa-Press, 2014. 222 p. (In Russian)

28 Kondrat'eva, O.N. "Metaforicheskaia reprezentatsiia religioznykh kontseptov v literature Drevnei Rusi" ["Metaphorical Representation of Religious Concepts in the Literature of Old Russia"]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki: Nauchno-teoreticheskii zhurnal*, no. 4, 2011, pp. 36–47. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskaya-reprezentatsiya-religioznyh-kontseptov-v-literature-drevney-rusi/viewer (Accessed 15 January 2024). (In Russian)

29 Kontsept grekha v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii. Sbornik statei. Sefer. Akademicheskaia seriia. Vypusk 5 [*Concept of Sin in the Slavic and Jewish Cultural Tradition. Digest of Articles. Sefer. Academic series, iss. 5*]. Moscow, Probel Publ., 2000. 232 p. Available at: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2000_Koncept_grexa_v_slav%27anskoj_i_evrejskoj_kul%27turnoj_tradicii.pdf (Accessed 12 January 2024). (In Russian)

30 Koniavskaia, E. "Problema obshchikh mest v drevneslavianskikh literaturakh" ["Problem of Commonplaces in Old Slavic Literatures"]. *Ruthenica*. Kiïv, 2004, pp. 80–92. (In Russian)

31 Krivosheev, V.V. "Korotkie zhiznennye proekty kak osnova anomii v sovremennom obshchestve" ["Short Life Projects as the Basis of Anomie in Modern Society"]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, issue 6, 2009, pp. 69–77. (In Russian)

32 Kuz'menkov, V.A. "Anomiia: osnovnye podkhody" ["Anomie: Basic Approaches"]. *NOMOTHETIKA: Filosofiia. Sotsiologiia. Pravo*, vol. 45, no. 1, 2020, pp. 31–41. https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-1-31-41 (In Russian)

33 Levchenko, E.V. "Sovremennye kontury teorii deviantnogo povedeniia" ["Modern Contours of the Theory of Deviant Behavior"]. Kharchenko, V.K., ed. *Tekhnologii gumanitarnogo poiska. Lingvistika. Istoriia: sbornik statei* [*Technologies of Humanitarian Research. Linguistics. History: Collection of Articles*], BelGU, Institute filologii. Belgorod, Belgorod State University Publ., 2000, pp. 104–110. (In Russian)

34 Likhachev, D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [*Poetics of Old Russian Literature*]. 3rd ed. Moscow, Nauka Publ., 1979. 360 p. (In Russian)

35 Lombrozo, Ch. *Prestupnyi chelovek* [*Criminal Man*], trans. from Italian. Moscow, Eksmo: MIDGARD Publ., 2005. 876 p. (In Russian)

36 Liakh, E.E. "Formirovanie predstavleniia o grekhe v rannekhristianskoi literature I–IV vv. (po tekstam novozavetnykh apokrifov)" ["Formation of the Idea of Sin in Early Christian Literature of the 1st– the 4th Centuries (Based on the Texts of New Testament Apocrypha)"]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 3, 2005, pp. 17–22. (In Russian)

37 Merton, K.R. "Sotsial'naia struktura i anomiia" ["Social Structure and Anomie"], trans. from Fr. E.A. Samarskaia; ed. of trans. by M.N. Gretskii. *Sotsiologiia prestupnosti: Sovremennye burzhuaznye teorii* [*Sociology of Crime: Modern Bourgeois Theories*]. Moscow, Progress Publ., 1966, pp. 299–313. (In Russian)

38 Petrov, I.V. "Formy khishcheniia imushchestva v Drevnei Rusi: razboi (X — nachalo XI v.)" ["Forms of Theft of Property in Old Russia: Robbery (10th — the early 11th Centuries)"]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 12, 2012, pp. 44–46. Available at: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=31137 (Accessed 20 March 2024). (In Russian)

39 Peshkov, A.A. "Khristianskoe ponimanie grekha" ["Christian Understanding of Sin"]. *Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii*, no. 7, 2009, pp. 311–325. (In Russian)

40 Popova, E.V. "Soderzhanie poniatiia ʿnormaʾ: osnovnye smysly" ["Content of the Concept "Norm": Basic Meanings"]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 38 (329): Filosofiia. Sotsiologiia. Kul'turologiia. Issue 31, 2013, pp. 108–112. (In Russian)

41 Radiukin, E.E., Morozova, O.A. "Osnovnye kontseptsii deviantnogo povedeniia v zarubezhnykh istochnikakh" ["Basic Concepts of Deviant Behavior in Foreign Sources"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2 (46), 2010, pp. 228–232. (In Russian)

42 Rittser, Dzh. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [*Modern Sociological Theories*]. 5th ed. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p. (In Russian)

43 Romanenko, M.V. "Mutatsii deviantnosti v sovremennoi Rossii" ["Mutations of Deviance in Modern Russia"]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 2018, pp. 68–76. (In Russian)

44 Rudi, T.R. "Topika russkikh zhitii (voprosy tipologii)" ["Topics of Russian Lives (Typology Issues)"]. Semiachko, S.A., ex. ed. *Russkaia agiografiia. Issledovaniia. Publikatsii. Polemika* [*Russian Hagiography. Research. Publications. Controversy*], vol. 1, Pushkin House of RAS. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005, pp. 59–101. (In Russian)

45 Rudi, T.R., and E.G. Vodolazkin. "Iz istorii literaturnoi topiki: staroobriadcheskaia traditsiia" ["From the History of Literary Topics: the Old Believer Tradition"]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (183), 2019, pp. 92–99. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.377 (In Russian)

46 Savel'ev, V.S. "Kommunikativnoe sobytie v predstavlenii drevnerusskogo knizhnika (po materialam 'Povesti vremennykh let')" ["A Communicative Event in the View of an Old Russian Scribe (Based on Materials from 'The Tale of Bygone Years')"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 14, ex. ed. F.S. Kapitsa. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 484–516. (In Russian)

47 Semukhina, E.A. *Kontsept "grekh" v natsional'nykh iazykovykh kartinakh mira: avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [*Concept of "Sin" in National Linguistic Pictures of the World*]. PhD in Philology Thesis. Saratov, 2008. 22 p. Available at: https://www.dissercat.com/content/kontsept-grekh-v-natsionalnykh-yazykovykh-kartinakh-mira/read (Accessed 20 January 2024). (In Russian)

48 Serl', Dzh. "Klassifikatsiia illokutivnykh aktov" ["Classification of Illocutionary Acts"]. Gorodetskii, B.Iu., editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in Foreign Linguistics*]. Issue 17: Teoriia rechevykh aktov [Speech Act Theory]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 170–194. (In Russian)

49 Smelzer, N. *Sotsiologiia* [*Sociology*], trans. from English. Moscow, Feniks Publ., 1994. 688 p. (In Russian)

50 Sorokin, P.A. *Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etiud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniia i morali* [*Crime and Punishment, Feat and Reward: a Sociological Study on the Basic Forms of Social Behavior and Morality*], introd., comp. and rev. by V.V. Sapov. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 618 p. (In Russian)

51 *Sotsiologiia prestupnosti: (Sovremennye burzhuaznye teorii): sbornik statei* [*Sociology of Crime: (Modern Bourgeois Theories): Collection of Articles*], trans. from English by PhD in jurisprudence A.S. Nikiforov and DSc in jurisprudence A.M. Iakovlev; ed. prof. B.S. Nikiforova; introd by prof. V.N. Kudriavtsev and prof. B.S. Nikiforov. Moscow, Progress Publ., 1966. 368 p. (In Russian)

52 *Sotsiologiia segodnia. Problemy i perspektivy: Amerikanskaia burzhuaznaia sotsiologiia serediny XX v.: [sbornik statei]* [*Sociology Today. Problems and Prospects: American Bourgeois Sociology of the mid-20th Century: [Collection of Articles]*]: short trans. from English, ex. ed. and introd. prof. G.V. Osipov. Moscow, Progress Publ., 1965. 684 p. (In Russian)

53 Tard, G. *Lichnost' i tolpa = (L'opinion et la foule): Ocherki po sotsial. psikhologii* [*Personality and the Crowd = (L'opinion et la foule): Essays on Social. Psychology*],

trans. from French by E.A. Predtechenskii. St. Petersburg, A. Bol'shakov i D. Golov Publ., 1903. 178 p. (In Russian)

54 Tard, G. *Prestupnik i prestuplenie* [*Criminal and Crime*], trans. by E.V. Vystavkina, ed. by M.N. Gernet, introd. by N.N. Polianskii. Moscow, Tovarishchestvo I.D. Sytina Publ., 1906. XX, 324 p. (In Russian)

55 Tvorogov, O.V. "Zadachi izucheniia ustoichivykh literaturnykh formul Drevnei Rusi (na materiale agiografii)" ["Problems of Studying Stable Literary Formulas of Old Russia (Based on Hagiography)"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury (Pushkinskogo Doma) RAN* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 20. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 29–40. (In Russian)

56 Tereshchenko, O.V., and M.V. Grin'. "Deviantnost' i ustoichivyi poriadok" ["Deviance and Stable Order"]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 11-1, 2022, pp. 100–102. (In Russian)

57 Travnikov, S.N., and L.A. Ol'shevskaia. *Istoriia russkoi literatury. Drevnerusskaia literatura: uchebnoe posobie dlia vuzov* [*History of Russian Literature. Old Russian Literature: Textbook. Manual for Universities*]. Moscow, Drofa Publ., 2007. 510 p. (In Russian)

58 Tufanova, O.A. "Tvorchestvo Avvakuma: poetika tragicheskogo" ["The Work of Avvakum: Poetics of the Tragic"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 14, ex. ed. F.S. Kapitsa. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 9–140. (In Russian)

59 Fedorova, N.V. "Filosofskii analiz poniatiia 'deviantnost'." ["Philosophical Analysis of the Concept of 'Deviance'."]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 4 (131), 2014, pp. 70–73. (In Russian)

60 Fedotov, O.I. *Osnovy literaturovedeniia: v 2 ch.* [*Fundamentals of Literary Criticism: in 2 parts*], part 1: Literaturnoe tvorchestvo. Literaturnoe proizvedenie: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Literary Creativity. Literary Work: Textbook. Manual for Higher Students Educational Institutions]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023. 324 p. (In Russian)

61 Frankl, V.E. *Chelovek v poiskakh smysla: [Sbornik]* [*Man's Search for Meaning: [Collection]*], trans. from English and German; ex. ed. L.Ia. Gozman, D.A. Leont'ev; introd. by D.A. Leont'ev. Moscow, Progress Publ., 1990. 366 p. (In Russian)

62 Freid, Z. *Izbrannoe. Kniga 1* [*Favorites. Book 1*]. Moscow, Izdatel'stvo "Moskovskii rabochii" s sovmestnym sovetsko-zapadno-germanskim predpriiatiem "Vsia Moskva" Publ., 1990. 160 p. (In Russian)

63 Freid, Z. *Neudovletvorennost' kul'turoi* [*Dissatisfaction with Culture*]. Moscow, Izdatel'stvo "Moskovskii rabochii" s sovmestnym sovetsko-zapadno-germanskim predpriiatiem "Vsia Moskva" Publ., 1990. 176 p. (In Russian)

64 Fromm, E. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [*Anatomy of Human Destructiveness*], trans. from German by E.M. Teliatnikova. Moscow, AST Publ., 2015. 618 p. (In Russian)

65 Fuko, M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tiur'my* [*Supervise and Punish. The Birth of Prison*], trans. from French. Moscow, Ad Martinem Press: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh" Publ., 2021. 416 p. (In Russian)
66 Fursova, V.V., and L.P. Maslova. *Sotsiologiia deviantnogo povedeniia: uchebnoe posobie* [*Sociology of Deviant Behavior: a Textbook*]. Kazan', Kazan' University Publ., 2022. 122 p. (In Russian)
67 Khagurov, T.A. *Vvedenie v sovremennuiu deviantologiiu: uchebnoe posobie* [*Introduction to Modern Deviantology: a Textbook*]. Rostov on Don, Kuban State Agrarian University Publ., 2003. 343 p. (In Russian)
68 Khagurov, T.A. *Deviantologiia — sotsiologiia i psikhologiia zla* [*Deviantology — Sociology and Psychology of Evil*]. Moscow, INFRA-M Publ., 2024. 412 p. (In Russian)
69 Shaikin, A.A. "Se povesti vremian'nykh let…." Ot Kiia do Monomakha ["*There are the Tales of Bygone Years...*" *From Kiya to Monomakh*]. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 253 p. (In Russian)
70 Iung, K., and M. Fuko. *Matritsa bezumiia (sbornik)* [*Matrix of Madness (Collection)*]. Moscow, Rodina Publ., 2020. 304 p. (In Russian)
71 Iurganov, A.L. *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [*Categories of Russian Medieval Culture*]. Moscow, MIROS Publ., 1998. 448 p. (In Russian)
72 Bryant, Clifton D. (Editor-in-Chief). *Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues*, vol. 1. Philadelphia, PA: Brunner-Routledge, 2001. 456 p. (In English)
73 Cloward, Richard A. "Illegitimate means, anomie, and deviant behavior." *American Sociological Review*, vol. 24, April, 1959, pp. 164–177. (In English)
74 Curtius, Ernst Robert. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern; Miinchen, Francke, 1984. 10. Aufl. S. 89–115. (In German)
75 Goffman, Erving. *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. New Jersey, Prentice-Hall, 1963. 147 p. (In English)
76 Goode, Erich. *Deviant Behavior*. Second Edition. New Jersey, Englewood Cliffs, 1984. 322 p. (In English)
77 Higgins, Paul C., and Richard R. Butler. *Understanding Deviance*. McGraw-Hill Book Company, 1982. 292 p. (In English)
78 Hirschi, Travis. *Causes of delinquency*. Berkeley, University of California Press, 1969. 309 p. (In English)
79 McCaghy, Charles H., Carpon, Timothy. *Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups*. Third edition. Macmillan College Publishing Company, Inc., 1994. 502 p. (In English)
80 McCaghy, Charles, and Timothy Carpon, and J. Jamieson. *Deviant Behavior: Crime, Conflict, and Interest Groups*. Fifth Edition. Boston, MA: Allyn and Bacon, 2000. 468 p. (In English)
81 Miller, Walter B. "Lower class culture as a generating milieu of gang delinquency." *Journal of Social Issues*, vol. 14 (3), 1958, pp. 5–19. DOI:10.1111/j.1540-4560.1958.tb01413.x. Available at: https://www.sci-hub.ru/10.1111/j.1540-4560.1958.tb01413.x (Accessed 16 February 2024). (In English)

82 Palmer, Stuart, and John A. Humphery. *Deviant Behavior: Patterns, Source and Control*. New York, Plenum Press, 1990. 294 p. (In English)
83 Picchio, Riccardo. "Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' Varianta of Slavic Culture." *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti*. Napoli, [S. n.], 1998, pp. 1–23. (In English)
84 *Principles of criminology*, by the late Edwin H. Sutherland. 5. ed., rev. by Donald R. Cressey. Chicago etc., Lippincott, Cop. 1955. VIII, 646 p. (In English)
85 Sellin, Thorsten. *Culture Conflict and Crime*. New York, Social Science Research Council Report, 1938 (Bulletin 41). 116 p. (In English)
86 Sierotwiński, Stanisław. *Słownik terminów literackich: Teoria i nauki pomocnicze literatury*. Wroclaw, Wydawnictwo PAN, 1966. 351 s. (In Polish)
87 Sutherland, Edwin Hardin. *Principles of criminology*, by the late Edwin H. Sutherland. 5. ed., rev. by Donald R. Cressey. Chicago etc., Lippincott, Cop. 1955. 646 p. (In English)
88 Tannenbaum, Frank. *Crime and Community*. New York, Columbia University Press, 1951. 487 p.
89 Turk, Austin. *Criminality and Legal Order*. Chicago, Rand McNally, 1969. 184 p. (In English)

***

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2254-7969

E-mail: tufoa@mail.ru

Information about the author: Olga A. Tufanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2254-7969

E-mail: tufoa@mail.ru

***

Для цитирования: *Туфанова О.А.* «Девиантный» текст в историческом повествовании Древней Руси: к постановке проблемы // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т миро-

вой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 265–302. https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302
© 2024, О.А. Туфанова

For citation: Tufanova, O.A. "'Deviant' Text in the Historical Narration of Old Russia: to the Problem Statement." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 265–302. (In Russian) https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-265-302
© 2024, Olga A. Tufanova